

МАКСИМ МЕЙСТЕР

КАК БЫ О ЛЮБВИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ 16

Максим Мейстер
Как бы о любви. Собрание
сочинений, том 16

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21160323

ISBN 9785448317088

Аннотация

Рассказы о любви, не входящие в серии и другие тома «Собрания сочинений». В том числе один из самых сильных рассказов автора «Цветы, которые не умирают»

Содержание

Цветы, которые не умирают	5
Взгляд	21
Что значит любить?	24
Две половинки	28
«Индийское кино» по-русски	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Как бы о любви
Собрание
сочинений, том 16
Максим Мейстер

© Максим Мейстер, 2016

ISBN 978-5-4483-1708-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цветы, которые не умирают

Я снова еду на вокзал, зная, что только постою у кассы. Постою в длинной очереди за билетами на море, где так много зеленых долин, где всегда светит солнце, а на берегу, в лесах и на полянах много прекрасных цветов.

И я знаю, что как только окажусь перед самым окошком, и кассир спросит: «Куда?..», я молча отойду, выйду с вокзала и поеду на кладбище...

Так странно. Я прекрасно знаю – у тех людей, что стояли вместе со мной в очереди, тоже есть свои кладбища. Но почему же они покупают билет и едут на море за новыми цветами, а я не могу, снова и снова возвращаясь к своим двум, давно умершим...

Почему же я не могу купить билет, чтобы снова найти прекрасный цветок?

Так я думаю и спрашиваю себя, пока еду на кладбище. Спрашиваю, не ожидая ответа. Потому что давно его знаю. Но все равно спрашиваю, потому что больше нечем заняться, когда едешь на кладбище погибших цветов. Вот и оно...

На самом деле мое кладбище не похоже на другие. Оно очень красивое и напоминает оранжерею... Нет, все-таки, пожалуй, не оранжерею, а большую теплицу. Ее стекла сверкают так, что видны издалека. А крепкая стальная арматура радует глаз свежей краской. Да, я часто обновляю свою

теплицу. Меняю стекла надежд, не жалею серебряной краски воспоминаний...

А внутри кладбища-теплицы – два погибших цветка...

Одна была розой. Когда-то я встретил ее в ухоженном саду. Вокруг было много других цветов. И красивее, и ароматнее, но я почувствовал, что эта скромная, еще не распустившаяся роза – мой цветок. А свой цветок не выбирают. Его просто находят. А когда находят, то сразу чувствуют – вот он, мой цветок...

Она была немного колючей, как и положено розам. Со всем немного колючей, не так, как сейчас...

А тогда... Я улыбнулся моему цветку, и мы обняли друг друга, радуясь встрече. Я поцеловал ее в нежные благоухающие лепестки и сказал, что теперь мы всегда будем вместе, а роза согласно закивала.

А потом она умерла и превратилась в кактус.

Да, когда любовь умирает, то превращается в кактус. Или в алоэ, как второй мой цветок...

Он была ландышем. Тогда, после смерти розы, я поехал на вокзал, чтобы отправиться к морю и найти другой цветок. Потому что все так делают. Но я не смог, и вернулся. И построил теплицу для погибшей розы, которая стала кактусом, чтобы она могла там жить, не зная, что умерла.

И я долго строил теплицу, а потом снова поехал на вокзал. Но стоило мне встать в очередь за билетами, как я забывал, что роза умерла. Я забывал, что там, в теплице уже давно

лишь колючий безобразный кактус, а не прекрасный цветок с нежными лепестками. И я снова мчался с вокзала к своей теплице...

А потом шел в лес и плакал, ощущая соленую кровь на исколотых губах.

И однажды встретил ее. Мой ландыш, что прятался среди деревьев нашего леса. Оказалось, чтобы встретить свой цветок, не надо ехать к далеким полянам и лесам...

Да, она была ландышем. Простым лесным цветком. Я услышал звон ее колокольчиков и сразу понял – вот он, мой цветок! И присел рядом и сказал: «Ты мой цветок!» И ландыш радостно засмеялся: «Правда?» И мы долго сидели друг напротив друга и смеялись. Радостно, как дети. И я гладил ее лепестки, а она звенела колокольчиками...

А потом она умерла. И превратилась в алоэ. Ведь любовь после смерти всегда становится или кактусом, или алоэ.

Я взял погибший ландыш и посадил в свою теплицу, а потом снова поехал на вокзал. Ведь нельзя жить без любви.

А на вокзале всегда длинная очередь за билетами. Очередь из мужчин и женщин. И у каждого есть свое кладбище цветов. У кого-то большое, а у кого-то еще совсем маленькое. А кто-то еще надеется приехать с моря с цветком, который никогда не умрет.

И я снова остаюсь в очереди за билетами, пока не увижу лицо кассира. А потом, не дожидаясь вопроса, отбегаю от кассы, выхожу с вокзала и еду на кладбище.

А потом возвращаюсь домой, чтобы на следующий день снова отправиться на вокзал, зная, что все равно окажусь на кла...

В последнее время мой путь короче. Теперь я сворачиваю к теплице, не доезжая до вокзала.

И медленно бреду, глядя на сверкающие стекла и ярко накрашенную арматуру.

Почему же я больше не покупаю билеты к полям и лесам далекого моря, где так много прекрасных цветов?..

Я вхожу в свою теплицу и иду к кактусу, который когда-то был розой. Я и сейчас вижу ее сквозь мясистые зеленые наросты и длинные иголки. Хотя знаю, что это лишь воображение. Но все равно подхожу и говорю: «Привет, моя прекрасная роза!», и целую воображаемые лепестки, чувствуя как длинные иголки впиваются в губы, в лицо... Но я закрываю глаза. И не только для того, чтобы уберечь их. А чтобы не видеть зеленого кактуса. И когда я закрываю глаза, то на мгновение в уме мелькает образ той прекрасной розы, что давно умерла.

И в сердце появляется что-то теплое и горячее. А потом боль становится нестерпимой, и я плачу, вытирая кровь.

И иду в другую часть теплицы, где растет алоэ. Умерший ландыш почти не колючий. Да, его длинные стебли усыпаны выростами, похожими на колючки, но они мягкие и почти не колют. Алоэ не колючее, оно – ядовитое...

«Привет, мой любимый ландыш!» – говорю я и сразу за-

крываю глаза, чтобы увидеть белые смеющиеся цветы-колокольчики. И целую алоэ. И слышу давно забытый звон.

И в сердце появляется что-то теплое и горячее. А потом боль от жгучего сока алоэ становится нестерпимой. Да, говорят, этот сок полезный. Но мне не нужна польза, я хочу слышать звон моего ландыша!.. И я плачу, уходя из теплицы...

Возвращаюсь домой и сажусь напротив зеркала.

Я делаю так, когда хочу узнать что-то важное. Сам по себе я очень наивен и доверчив. Или глуп, как говорят про меня остальные люди, когда мы стоим в одной очереди за билетами. Может быть, они и правы. Просто они не знают, что дома я могу стать зеркалом...

Вот и сейчас. Я сел перед зеркалом, и в нем тут же появился я. Другой я, у которого нет чувств и сердца, а только холодный разум, который безупречно работает, отражаясь от серебряной подложки. Он очень мудрый, потому что беспристрастный.

– Я снова ездил на кладбище, – сказал я.

– Знаю, – ответил я из зеркала.

– Так я никогда не найду нового цветка...

– Да, чтобы найти новый цветок, надо забыть об умерших.

Ты должен купить билет и уехать.

– Я не могу.

– Почему?

– Потому что знаю, что любой цветок умрет и станет кактусом или алоэ. И мое кладбище будет расти...

– У всех так. Просто другие не строят оранжерей!

– У меня не оранжерея, всего лишь теплица...

– Все равно. Остальные не превращают свои кладбища в теплицы. Остальные оставляют на кладбищах цветы, ставшие кактусами, и больше никогда туда не возвращаются. Просто отправляются на вокзал, чтобы купить билет и найти новый цветок.

– Но не у всех есть деньги на все новые и новые билеты. Как же поступают они? Неужели живут без цветка?

– Многие привозят свой цветок, а когда тот становится кактусом или алоэ, делают вид, что ничего не произошло.

– То есть живут с мертвым цветком?!

– Да, почему бы и нет? Ведь ты сам сказал – не у всех есть деньги на все новые и новые билеты. Но главная причина не в этом. Просто рано или поздно кладбища у большинства становятся такими большими, что там не остается места для новых кактусов, и приходится заставлять ими свой собственный дом.

– И после этого ты удивляешься, почему я не хочу ехать за новым цветком?! Ведь он все равно умрет. Все цветы умирают... И мне останется либо вести его на кладбище, либо делать вид, что ничего не произошло. Но я хочу быть рядом с живым цветком!..

– Тогда ты должен сделать так, чтобы он не умирал.

– Да, но как? Мы все заботимся о своих цветах. Укрываем листьями, удобряем навозом... Почему же они все рав-

но умирают, превращаясь в серо-зеленых и колючих? Почему исчезают яркие чистые краски? Почему нежные лепестки становятся иголками?..

– Наверное, навоза и листвы недостаточно.

– Но что еще нужно?!

– Быть может, воды?..

И я застыл, а на моих губах застыл следующий вопрос. В нем больше не было необходимости, потому что я вдруг понял!

Да, цветок умирает без воды!

Я отошел от зеркала и сел в глубине комнаты.

– Что же это за вода?

Я хотел вернуться к зеркалу, чтобы спросить, но тут же понял сам. Теплое и горячее, что иногда появляется в сердце, – это и есть вода, которой не хватает цветам.

Я привычно вынул сердце из груди и заглянул внутрь. На доннышке блестели несколько капель, что всегда оставались после возвращения из теплицы.

– Этого мало, – сказал я себе. – Для того чтобы питать цветок, сердце должно быть полным.

И я стал вспоминать о розе и ландыше. А потом о кактусе и алоэ. Иногда я смеялся, и часть смеха уносилась прочь легким ветерком, а часть превращалась в капли. Иногда я плакал. И часть слез высыхали на ветру, а часть падала в сердце. И вскоре там плескалось маленькое озеро. Прозрачное и чистое.

Радость и печаль, грусть и счастье, надежда и верность, сладость и преданность... Вскоре сердце было полно, и я с удивлением и восторгом смотрел на переливающуюся, словно новый алмаз, воду.

– Да, теперь все будет по-другому! – сказал я и осторожно поместил сердце обратно в грудь. Потом собрался. Набил карманы листвой, заполнил чемоданы навозом и поехал на вокзал.

Нетерпеливо отстоял длинную очередь. Вот и стекло. Кассир видит меня, но ничего не спрашивает. Ждет, что я уйду. Но я стою и смотрю.

– Вам билет? – наконец спросила она.

– Да.

– Куда? – Кассирша удивилась лишь на мгновение, а потом повернулась к клавиатуре, готовая отщелкать все, что попросят.

– К морю, где всегда светит солнце, где глубокие небеса и бескрайние поляны с прекрасными цветами... – Я протянул немного зеленой листвы и получил билет.

Вскоре я сидел в вагоне и смотрел, как убегают назад деревья родного леса.

В поезде были такие же, как я. Все они ехали за цветами. Кто-то вез большие чемоданы, а кто-то небольшие рюкзаки. У кого-то карманы оттопыривались от листвы, а кто-то считал каждый листик... Но все надеялись найти свой цветок, который никогда не умрет.

– Привет! – сказал я спутникам по купе. – Я еду на море, чтобы найти свой цветок.

– Мы тоже!

– Как хорошо, что нам по пути...

– Конечно, ведь мы в одном поезде...

– А вы везете с собой воду? – решил спросить я.

– Что? – не поняли спутники. – У нас есть листва и навоз... Что еще?

– Ну, чтобы цветок не умер, его надо не только удобрять и укрывать, но и поливать, – сказал я.

– Глупости, – откликнулся спутник с верхней полки. – Каких только теорий на этот счет не выдумано, а цветы все равно умирают...

– Да, но... – я хотел было возразить, но вдруг почувствовал что-то внутри. Я замолчал и погрузился в себя. Да, что-то происходило в сердце. Надо было разобраться, но мне не хотелось вынимать его при посторонних. И я долго сидел, надеясь, что все пройдет. Но потом не выдержал и вышел в коридор, плотно закрыв за собой дверь купе. Посмотрел направо, потом налево. Светлый чистый коридор. Под ногами ковровая дорожка, а за окном деревья и поля... Хорошо и красиво.

– Что ж тебе нейдет? – с досадой спросил я внутрь и еще раз огляделся, убеждаясь, что в коридоре никого нет. Пассажиры сидели по своим купе и мечтали о цветах. Тогда я осторожно вынул сердце и заглянул...

Оно наполовину высохло...

Вот в чем дело! Да, сердце всегда начинает болеть, когда сохнет. Только вот почему вода уходит?..

Я смотрел на озеро, которое с каждой минутой мелело все быстрее. Чем дальше уносил поезд от родного дома, тем меньше в сердце оставалось влаги. «Почему так?» – подумал я, с тоской наблюдая, как сердце почти опустело.

Я вернулся в купе и спросил:

– Как остановить поезд?

– Зачем? – хором удивились мои спутники.

– У меня больше нет воды для цветка, поэтому я хочу вернуться домой.

– Что за ерунда! – закричали они. – У тебя, мы видим, полные карманы зелени, у тебя полные чемоданы самого лучшего навоза! Все цветы будут твоими!..

– Мне не нужны чьи-то цветы. Мне нужен мой цветок, – сказал я.

– И ты найдешь его! – уверенно сказал молодой спутник с нижней полки.

– Мне не нужен цветок, который умрет, – сказал я. – Как остановить поезд?

– Послушай... – сказал пожилой спутник с верхней полки. Он так разволновался, что даже спустился вниз. – Все цветы умирают. Это закон. Поверь моему опыту...

– У вас, наверное, большое кладбище? – спросил я.

– Не то слово! – почему-то с гордостью усмехнулся он,

не заметив моего сарказма. — Так что я знаю, о чем говорю! Так вот, послушай. Все цветы умирают, и с этим надо смириться. Я понимаю, тяжело. Особенно, пока мы молоды. Но теперь я знаю, как это сделать без особой боли. Думаю, я последний раз еду за цветком, потому что благодаря опыту и мудрости, что скопились за все эти годы, я кое-что понял. И я готов поделиться своим открытием с тобой...

Я сел, потому что всегда готов слушать других. Ведь я наивен и доверчив. Или, как говорят, глуп. И хотя с каждой минутой поезд все дальше уносил меня от дома, я приготовился слушать мудрость пожилого спутника.

— Когда-то я тоже надеялся найти цветок, который не умрет, — начал он. — Но потом понял. Смерть цветка — это закон. Неизбежный и непреодолимый. И тогда я взглянул на проблему с другой стороны... Знаешь с какой? Я подумал примерно следующее: «А ведь это здорово, что цветы, умирая, не исчезают, а превращаются в кактусы, алоэ, фикусы, грибы, плесень, лианы или лишайники!» Это значит, что на самом деле наша с вами задача найти не цветок-который-не-умирает, а найти тот цветок, который превратится во что-нибудь не слишком обременительное. Например, я не переносу кактусы, потому что они слишком колются. А вот с алоэ или плесенью вполне можно жить. Даже полезно, говорят. Поэтому сейчас, открыв этот секрет, я еду за своим последним цветком. Надеюсь, опыт мне поможет выбрать правильный и хороший, то есть тот, который, уме-

рев, превратится во что-то сносное...

— А я думал, что цветы, умерев, превращаются только в кактусы или алоэ... — тихонько сказал я.

— Ну ты даешь! — удивился пожилой спутник. — У тебя сколько цветов-то было? Неужели они все превращались только в кактусы и алоэ?!

— У меня было два цветка. Один умер и стал кактусом, а второй — алоэ.

— Два цветка?! — уточнил спутник, а остальные тоже удивленно закачали головами. — В твоём возрасте у меня их было столько, что можно было бы собрать несколько букетов! Жаль только не делают букетов из кактусов! — Он засмеялся, довольный своей шуткой. — А цветы, умирая, превращаются не только в кактусы или алоэ. Бывает, они становятся лианами, которые будут высасывать из тебя соки, пока ты либо не выкинешь их на кладбище, либо не отправишься туда сам. Какие-то цветы становятся безобидными грибами, а какие-то — плесенью... Много вариантов. Но мы об этом поговорим завтра, если хочешь. Я могу тебе рассказать обо всех вариантах смерти цветка. Но сейчас меня интересует, понял ли ты то, о чем я говорил?..

— То, что наша задача не найти вечно живой цветок, а постараться выбрать тот, который умирая, превратится во что-то сносное? — уточнил я.

— Да, можно и так сказать, — кивнул пожилой спутник. — Вижу, ты понял.

– Наверное, потому что все, что вы говорили, звучит очень разумно...

– Значит, ты едешь с нами?

Я задумался, а потом заглянул внутрь себя. В сердце не осталось ни капли. Оно болело и говорило «нет».

– Нет, – повторил я вслед за ним, а потом вышел из купе и дернул стоп-кран. Поезд визгливо затормозил. Во всех купе тоже визжали. Мужские и женские голоса. Пассажиры были не довольны, что их задерживают на пути к далеким полям и садам, где растет так много прекрасных цветов. Я слышал, как бывшие соседи ругали меня. Ведь они единственные знали, почему поезд остановился. Но потом они замолчали, заметив, что я оставил чемоданы с навозом...

Я выпрыгнул из поезда и побежал домой. Поезд увез меня далеко, и только к вечеру я добрался до родных лесов и полей. И только поздней ночью оказался в своей комнате.

Всю ночь я вспоминал розу и ландыш, пока в сердце вновь не плескалось чистое озеро. А утром я снова поехал на вокзал. На этот раз не стал собирать чемоданы. «Моему цветку, если он есть, достаточно будет воды... – подумал я. – А если нет, то навоза всегда можно накопать...»

Я снова ехал в поезде, но теперь в плацкарте, чтобы сэкономить деньги. Ведь кто знает, может и в этот раз я не смогу довести воду. Я больше не разговаривал со спутниками, а внимательно следил за сердцем.

И все повторилось. Чем дальше уносил меня поезд, тем

меньше теплой влаги оставалось внутри. И я снова рвал стоп-кран и возвращался домой.

Так повторялось много раз, пока я не понял: мне не довести воды до далеких полей и лесов. Тогда я сел перед зеркалом и спросил:

– Почему?

– Ну, это просто, – ответил зеркальный я. – Попробуй наполнить сердце...

Я отвернулся от зеркала и стал думать о розе и ландыше, пока внутри снова не стало тепло и горячо.

– Вот. – Я снова повернулся к зеркалу. – И что?

– А ты сам не понял? Как можно вести новому цветку воду, которая...

– Ой, и правда! – я грустно рассмеялся. – Ведь она появляется благодаря цветам, которые давно умерли.

– Да, эту воду нельзя увести далеко, потому что она принадлежит им. Поэтому ты должен сначала забыть о погибших цветах, а потом ехать.

– С сухим сердцем? Но ведь тогда все повторится. И новый цветок без воды умрет, превратившись...

– Теперь ты знаешь, что цветам нужна вода. Поэтому, встретив новый цветок, ты не будешь, как раньше, заботиться только о листьях и навозе. В твоем сердце появится вода, предназначенная для этого нового цветка. И он никогда не умрет.

– Думаешь? – спросил я.

– Да, – ответило зеркало.

Я отвернулся и заглянул в себя.

– Правильно? – спросил я у сердца.

– Нет, – сказала оно.

– Почему? А как правильно?.. – начал спрашивать я, забыв, что сердце не отвечает на такие вопросы. Только зеркало. Сердце же ничего не объясняет.

И я вынул его и посмотрел в озеро. Ведь зеркало может быть и в сердце. Только оно другое. Настоящее. И оно появляется, только когда в сердце плещется теплое прозрачное озеро...

– Я правильно понял тебя? – спросил я у отражения в сердце.

– Да.

И тогда я пошел на кладбище, которое у меня было похоже на парник. В руках я держал сердце, полное живой воды...

– А ты уверен, что твои цветы оживут?! – крикнул другой я из зеркала в прихожей. – Ведь вполне возможно, что иголки кактуса проткнут сердце, а сок алоэ отравит его!

– Может быть, – сказал я и ускорил шаг. – Может быть...

А потом, уже на улице, тихо, но четко и в ритм, словно убеждая самого себя, договорил:

– Может быть... Но я все равно попробую, потому что не хочу превратиться в пассажира, который вечно покупает билет и едет в никуда. Потому что на самом деле нет ника-

кого моря и далеких прекрасных полей и лесов. Есть только кладбища, которые мы создаем сами. А прекрасный мир не где-то далеко. Он внутри и вокруг нас. Просто не виден из-за кладбища. Прекрасный мир откроется, как только пустоту сердца заполнит живая вода, и мы оживим ей всех, кого убили. И тогда пустыня станет прекрасным садом, в котором больше не будет колючих кактусов и жгучих алоэ, а только цветы. Прекрасные цветы, которые не умирают...

Взгляд

В сервис-центр принесли сломанный компьютер. Приволокла девушка.

– Что случилось? – приемщик лениво оторвался от анекдотов и посмотрел на заплаканное лицо.

– Монитор сломался... Смотрела фотографию, а он вдруг... – девушка всхлипнула, но тут же взяла себя в руки.

– Порнушку что ли качала? – парень неприятно хохотнул, но тоже спохватился и сделал равнодушно-серьезную мину. – Ладно, посмотрим, оставляйте заявку...

Когда девушка ушла, парень брякнул в сторону:

– Вот дура, притащила весь комп, хотя что-то с монитором. Даже клавиша с мышью в кульке вон...

– А что с монитором?

– Смотри. Мое дело принимать...

Мастер перетащил технику к себе и стал возиться. С усмешкой отставил системный блок, подключил монитор к тестовому компьютеру. Включил...

– Ничего себе! – раздался удивленный возглас. – Ты смотри, что за черт?!

На возглас сбежались другие мастера. А потом и все остальные, когда услышали восхищенный технарский мат.

– Этого не может быть... – пробормотал кто-то.

На экране сломанного монитора выгорели пиксели.

Но не просто так... На белом фоне, по центру, из погасших пикселей словно проступал чей-то образ...

– Новый вирус? – предположил мастер. – Каким-то образом выжигает точки на экране по заданной схеме?.. Смотри-те, словно фотография чья-то отпечаталась. Битыми пикселями!..

– Бред. Невозможно это...

– Знаю, что невозможно. Но все равно надо посмотреть, что у нее на компьютере...

– Ага, и свой сожжем, если вдруг действительно вирус... невозможный...

– А мы обычный монитор подключим... – усмехнулся мастер. Кто-то уже подключал кабеля к компьютеру девушки, а кто-то тащил старый монитор с электро-лучевой трубкой...

– Пошла загрузка! Так... Ну, обычная «винда»... И что?..

– Посмотри, с чем работала перед тем, как...

– Не учи ученого! – техник запустил поиск файлов по дате и времени. – Ага, вот, автосохраненный документ. Она его писала перед тем, как монитор накрылся...

– Открывай!

На экране мигнуло, потом появились строчки. Все в мастерской приникли к монитору. И словно тихим голосом живой девушки в уме каждого прошелестело:

Любимый далеко...

Мой взгляд так глубоко

Сквозь линзы соленые
Редкие фото
Прожег... как бумагу
Сжигает огонь...
Я файлы открыла, —
Они понадежней,
И жар от разлуки
Им выдержать можно:
Экран – не бумага...
Однако...

Что значит любить?

Неважно, где происходит этот диалог... Выберите антураж сами. Возможно, это двое влюбленных сидят на скамейке в парке ранней весной, а, может быть, это дети заигрались в песочнице... Может быть, это юноша и девушка летают на качелях туда-сюда, обмениваясь фразами, когда судьба-качели сводит их вместе. А может, это просто чат в интернете. Возможно, это разговор с самим собой, а может учителя и ученика... Все это не важно. Создайте мир, где будут звучать слова, сами...

Потому что и мир, и слова – не важны. Мир растает, как только в нем исчезнет необходимость, а слова уйдут, как только будут произнесены.

Пусть останется то, что не сказано...

* * *

– Что значит любить?

– Любить – это светиться...

– Светятся фонари. Они любят?.. Светятся самки светлячков, чтобы убить привлеченного светом возлюбленного. Они любят?..

– Любить – значит светить. Светить другим...

– Светит луна. Она любит?.. Светит солнце, но ему все равно – оно может согреть, а может и сжечь. Оно любит?..

– Любить может только живое человеческое сердце. Ни фонари, ни луна, ни светляки... Живое человеческое сердце...

– Сегодня оно бьется, а завтра нет. Сегодня оно живое, а завтра полно отчаяния, жестокости и злобы... Выходит, любить – это на мгновение вспыхнуть во мраке?..

– Любить – это светиться ради любимого...

– Любимого? Человека? Но вот он сказал не то, что хотелось услышать, и в сердце пропал свет, заменившись обидой. Это была любовь? От него плохо пахнет, и нежность сменилась отвращением. Это была любовь? Он предал, и надежда сменилась ненавистью. Это была любовь? Он составил, и свет погас. Это была любовь? А вот он умер, и свет сменился воспоминаниями, а потом – забвением... Это была любовь?.. Выходит, любить – это ловить редкие моменты, когда любимый соответствует нашему представлению о том, для кого мы готовы светиться?..

– Любить – это светиться ради сердца любимого...

– Ради внутренней сущности? Придумать себе то, чего не видишь, почувствовать то, чего не чувствуешь... Выходит, любить – это создать иллюзию и делать вид, что светишься для нее?..

– Любить – это... Я не знаю, что такое любить! Скажи... Я уверена только в одном: любовь – это свет. Я бродила во мра-

ке, и мир казался бессмысленной серой пеленой, не дающей дышать. А потом, словно гроза разорвала серые тучи, превратившиеся в грозовые. А потом – ослепительная вспышка! Любовь... И мир сразу обрел формы и смысл, а потом серая пелена вернулась... Я знаю, что любовь – это свет во мраке бессмысленного мира, но что значит любить – не знаю... Скажи мне!

– Любить – это любить, даже когда не любишь.

– Что это значит? Это обман, а не любовь!..

– Разве молния, которая лишь иногда сверкает, – обман?

В мире серого тумана нет любви, а только ее проблески. Короткие вспышки, освещающие сердце. Да, любить – это светиться и светить, но молния не возникает на пустом месте. Любить, даже когда не любишь – это преданность. Она подобна электричеству в грозовой туче, – именно из него рождаются прекрасные молнии. Именно из преданности рождаются проблески любви. И чем сильнее преданность, тем чаще сверкает любовь...

– Значит, любить, даже когда не любишь – это преданность, а любить – это все-таки светиться?

– Да, но в этом мире невозможно светиться, а только сверкать. Поэтому не ищи любви, а ищи преданности. Любовь – это ее плод.

– Но что мешает светиться всегда?!

– Тучи. Наши тела, сердца – это тучи. Они могут быть серыми, лишенными преданности, а значит, почти не способ-

ными сверкнуть любовью, а могут быть грозowymi, наполненными электричеством...

– Но я хочу постоянной любви! Я хочу светиться и светить всегда!

– Только серая пелена висит вечно, а гроза проходит... Преданность, словно электричество в туче, накапливается, время от времени сверкая молниями любви, но если преданность нарастает, молнии сверкают чаще и чаще, сливаясь в одно непрерывное сияние, а потом... Гроза пройдет, тучи, не выдержав света, рассеются, и молнии превратятся в яркий день под бездонным синим небом...

Две половинки

Бывает любовь яркая и жгучая, словно вспышка молнии. Она поражает воображение и оставляет после себя раскаты грома, но ее время – лишь миг. Как молния лишь на секунду озаряет небосвод, так и быстрая любовь лишь вспыхнет и погаснет, словно ее никогда и не было. И только раскаты боли будут отдаваться в сердце. Потому что молния – это не свет, а всего лишь вспышка света, и страсть – это не любовь, а всего лишь...

Но бывает другая любовь. Тихая и надежная, словно свет полной луны.

Луна не такая яркая, как молния, и не такая красивая. Но на нее можно любоваться всю ночь, а не один миг... И она никогда не ударит и не обожжет, и не оглушит громом... Но молния появляется быстро, за мгновение, а полная луна рождается целый месяц. И так легко привлечься быстротечной, но яркой вспышкой! А потом другой... И третьей... И четвертой... И вся жизнь будет похожа на грозу от вспышки до вспышки, между которыми приходится зажимать уши от непереносимого грома!.. Так легко любоваться быстрыми вспышками, и мы бежим за грозой, не желая ждать, когда рассеются тучи и на чистом небе взойдет полная луна, своим неярким светом принося покой и тихое счастье... Так трудно ждать. Так трудно терпеть. Долгие тридцать дней. До пол-

нолуния...

* * *

– Не жалеешь, что мы не стали отмечать?.. Ведь ты так любишь...

– Сегодня не тот день, который надо отмечать в шумной компании. Сегодня мы должны быть только вдвоем. И ничего больше. В целом мире. Только ты и я. Весь день.

– Хорошо... – Мужчина улыбнулся. – Только ты и я... Неужели, сегодня ровно тридцать лет?!

– Да... И был точно такой же теплый осенний вечер...

– Но не такой тихий!.. – засмеялся мужчина.

– Да, свадьбы не бывают тихими... – женщина тоже улыбнулась. – А помнишь, ты тогда чуть не...

– Вот только не надо!.. – расхохотался мужчина. – А то я тоже чего-нибудь вспомню! Чей это родственничек посреди застолья... Милая, неужели и правда тридцать лет прошло? Не верится...

– Не верится... Давай, выйдем на веранду. Уже темнеет...

– Да, осенью быстро темнеет... Ты точно не жалеешь, что весь день мы провели дома? А я хотел повести тебя куда-нибудь... Выбрать подарок... Ведь ты осталась без подарка на тридцатилетие свадьбы!..

– Нет, не жалею... Уже давно-давно моим лучшим подарком стало просто быть рядом с тобой...

– И моим... – Мужчина и женщина вышли на веранду своего небольшого загородного дома. Было свежо, но не холодно. С полей тянуло запахом прелого сена, – нерадивые крестьяне опять не успели убрать стога до первых дождей... А иногда пронесился залетный ветерок, и слабый хвойный дух рассказывал всем, что молодой гуляка играл среди сосен, стараясь уронить побольше шишек...

– Как хорошо!.. – Они сели за дубовый стол и стали смотреть за горизонт. Потихоньку зажигались звезды. Сначала самые яркие, а потом и их более скромные подружки.

– Люблю безоблачные ночи... – вдруг сказала она.

– Да... Мы так быстро пробегаем по жизни... Иногда кажется, что у нас нет времени даже оглянуться, не то что остановиться и посмотреть вверх, на звездное небо!..

– Только влюбленные смотрят на звездное небо...

– Да, только влюбленные могут остановиться и посмотреть вверх. Потому что для них мир замирает, и вдруг оказывается, что уже не надо никуда бежать!.. А потом они перестают любить и снова несутся куда-то, просто теперь уже вместе, зачастую только мешая друг другу...

– Получается, мы и спустя тридцать лет любим друг друга, если каждый вечер выходим на тихую веранду и посмотрим на зажигающиеся звезды?..

Мужчина улыбнулся.

– Наверное. Но не только поэтому... О, ты чувствуешь?! – К запаху прелого сена и хвойному лесному духу добавился

удивительный аромат. Аромат дома и уюта. Аромат свежего хлеба. – Каждый вечер я вдыхаю этот запах, но так и не смог привыкнуть!..

– Уже унюхал, медвежонок?! – женщина тихонько выбралась из-за стола. – Сейчас-сейчас...

– Почему медвежонок? Медведи любят мед и варенье. А я люблю твои булочки с маслом!

– Все равно медвежонок! – сказала женщина и ушла на кухню. На кухне она первым делом открыла окно, чтобы густой хлебный аромат заполнил всю веранду, а потом посмотрела в печь. Тесто поднялось и уже собиралось подрумяниться, превратиться в аппетитную, круглую булочку...

...Уже тридцать лет, каждый вечер, в этой маленькой печке поднималось и подрумянивалось тесто. Каждый вечер оно превращалось в круглую, красивую булочку...

Женщина зажгла огонь и поставила чайник. Через пять минут вода закипит. Как раз к булочке... Женщина взяла из холодильника свежего масла, – сегодня утром его принес заспанный молочник, – взяла тарелки и вернулась на веранду.

– А где наша булочка? – спросил мужчина.

– Уже покрывается твоей любимой желтой корочкой и ждет не дожидается, когда ты ее съешь... – Женщина снова исчезла в доме.

Чайник на плите закипал, сердито выпуская пар из носика. Женщина выключила газ и еще раз заглянула в печку.

— Готова, красавица? — спросила она вполголоса и открыла прозрачную дверцу. — Пора на стол.

— А вот и моя любимая женушка с нашей любимой булочкой! — сказал мужчина, когда женщина вернулась на веранду.

— Совсем стемнело, — сказала женщина, ставя на стол поднос с двумя стаканами чая и свежей булкой под салфеткой. Чтобы не остыла. — Включить свет?

— Не надо. Давай, сегодня посидим в темноте. Просто вдвоем...

— Хорошо, давай... — женщина села напротив мужа. Их лица белели в сгущающихся сумерках, а в глазах отражались звезды...

— Твои глаза, как две звездочки... — удивилась женщина. — А при свете я этого не замечала...

— И твои... Так красиво... За окном тоже звездочки, но они такие далекие и холодные... А твои — такие близкие и теплые... Кстати, о тепле. Если мы так и будем сидеть, булочка остынет!..

Женщина засмеялась и потянулась к подносу. Руки сами собой стали проводить давний ритуал, которому сегодня тоже исполнилось тридцать лет. Правая рука убрала салфетку, а левая взяла пухлую круглую булочку; правая пододвинула тарелку с маслом и взяла серебряный нож...

Булочка была такой же красивой, такой же круглой, как

и тридцать лет назад.

– Хочешь, я к вечеру испеку тебе чего-нибудь вкусненького? – спросила тогда молодая жена.

– Хочу. К чаю, да? – сказал молодой муж.

– К чаю... – согласилась она, и засуетилась на пока незнакомой кухне. Она очень боялась, что у нее не получится, что новая печка подведет ее... Боялась напрасно. Тесто поднялось и подрумянилось. Булочка получилась замечательной. Выпуклая, пушистая сверху и плоская, поджаренная снизу; сверху покрытая желтой пупырчатой корочкой, а снизу – коричневой, маслянистой...

И тогда она первый раз поставила поднос на стол, первый раз убрала салфетку и взяла в руки нож. Она разрежала булочку поперек, на две половинки. Намазала каждую маслом...

– Тебе какую? Верхнюю или нижнюю? – спросила она.

– Верхнюю... – ответил он.

С того дня прошло тридцать лет, и каждый день женщина к вечернему чаю пекла неизменную булочку, и каждый вечер супруги садились вместе, и каждый вечер женщина разрезала булочку поперек, мазала маслом и протягивала верхнюю половинку мужу... Так было уже тридцать раз по триста шестьдесят пять дней...

...На темной веранде неожиданно проснулся сверчок, а потом так же внезапно затих. И вдруг стало слышно, как

за окном надрывно звенит тишина...

...Она взяла серебряный ножик и разрежала булочку на две половинки. Верхнюю, с желтой, пупырчатой корочкой и нижнюю, с коричневой и поджаристой. Намазала свежим маслом. Горячий мякиш жадно впитывал податливые желтые кусочки... Руки делали привычную работу, как и всегда. Женщина улыбалась. Сейчас ее рука, как и много раз до этого, протянет верхнюю половинку булочки мужу. Он возьмет, и они будут долго-долго пить чай, глядя друг на друга и в окно, на звездное небо... Ведь так было уже тридцать раз по триста...

Ее руки остановились. Почти остановились. Нож продолжал елозить по верхней половинке, но все тише и тише...

Женщине стало грустно. Она посмотрела на две половинки булочки, и ее сердце вдруг забилось быстрее...

«Тридцать лет!.. – подумала она. – Тридцать лет мне хочется попробовать верхнюю часть булочки! Она такая пушистая, с желтой корочкой... Я никогда не любила нижнюю. Она слишком твердая и жирная... Но что я могла поделать, ведь муж тоже любит верхнюю...

Но ведь сегодня тридцать лет нашей свадьбе... Неужели он обидится, если я хотя бы раз возьму себе верхнюю половинку?.. Пусть это будет его подарком на наше тридцатилетие... Он не рассердится...»

Руки не слушались. Они должны были сделать то, чего ни-

когда не делали!.. Сердце женщины готово было выскочить из груди. Нелегко нарушить традицию, которой исполнилось тридцать лет...

«Но мне так хочется попробовать верхнюю половинку... Он не рассердится... Ведь сегодня – тридцать лет нашей...» – и женщина, с трудом сдерживая дрожь в руке, протянула мужу нижнюю половинку булочки!..

Она видела, как дрогнула рука мужа, принимая непривычную половинку, видела, как округлились его глаза, и в них отразилось больше звезд...

– Милая, мне так стыдно, – сказал мужчина. – Я оставил тебя без подарка в такой день! А ты меня – нет... Ты придумала самый лучший подарок!..

Знаешь, все эти тридцать лет я мечтал попробовать нижнюю половинку булочки. Ведь она такая твердая, поджаристая и маслянистая... Но я знал, что и ты любишь ее больше, поэтому всегда оставлял тебе...

Они сидели и смотрели друг на друга, не в силах произнести ни слова. Их лица белели в темноте. И две круглые, покрытые маслом половинки булочки словно отражали этот свет...

Вдруг на веранде стало светло...

– Смотри! Взошла луна! – сказал мужчина.

Они, не сговариваясь, встали из-за стола и, взявшись за руки, замерли у распахнутого окна веранды.

— Как красиво... — сказала женщина. — Все-таки, наверное, мы любим друг друга даже спустя тридцать лет, потому... Да, потому, что каждый вечер выходим посмотреть на звездное небо...

— Может быть, — повторил мужчина. — Но не только поэтому...

Они стояли обнявшись и держа в руках две так и не съеденные половинки булочки. А их лица отражали свет полной луны. А может быть, это луна отражала глубокий свет их лиц...

* * *

Бывает любовь яркая и жгучая, словно вспышка молнии. Она поражает воображение и оставляет после себя раскаты грома, но ее время — лишь миг. Как молния лишь на секунду озаряет небосвод, так и быстрая любовь лишь вспыхнет и погаснет, словно ее никогда и не было. И только раскаты боли будут отдаваться в сердце. Потому что молния — это не свет, а всего лишь вспышка света, и страсть — это не любовь, а всего лишь...

Но бывает другая любовь. Тихая и надежная, словно свет полной луны.

Луна не такая яркая, как молния, и не такая красивая. Но на нее можно любоваться всю ночь, а не один миг... И она никогда не ударит и не обожжет, и не оглушит громом...

Но молния появляется быстро, за мгновение, а полная луна рождается целый месяц. И так легко привлечься быстротечной, но яркой вспышкой! А потом другой... И третьей... И четвертой... И вся жизнь будет похожа на грозу от вспышки до вспышки, между которыми приходится зажимать уши от непереносимого грома!.. Так легко любоваться быстрыми вспышками, и мы бежим за грозой, не желая ждать, когда рассеются тучи и на чистом небе взойдет полная луна, своим неярким светом принося покой и тихое счастье... Так трудно ждать. Так трудно терпеть. Долгие тридцать дней. До полнолуния...

«Индийское кино» по-русски

Лариса была из тех женщин, что остаются старыми девами. И совсем не потому, что ей не хотелось семейного уюта, детей, собственного хозяйства, нет. Даже наоборот, очень хотелось. Впрочем, как и любой нормальной девушке после двадцати-двадцати пяти. Беда в том, что и для семейного уюта и для детей необходим элемент, на который у Ларисы была стойкая аллергия, – нужен был мужчина...

Она ненавидела мужчин. Виной тому, без сомнения, был отец. Вечно пьяный, грубый и терроризирующий всю семью. Девушка рано ушла из дома и начала самостоятельную жизнь. Без мужчин. Она не боялась их, как многие девушки с психологическими проблемами из детства. Ее от мужчин просто тошнило, потому что за каждым, даже самым красивым и респектабельным юношей вставал образ потного лохматого мужика с перекошенным от водки и крика лицом...

Лариса окончила техникум и десять лет жила в комнатухе заводского общежития, пока благополучное при советской власти текстильное предприятие не выделило молодой сотруднице однокомнатную квартиру. Правда, к тому времени девушке было почти тридцать, так что молодой она была только с точки зрения предприятия. Остальные же давно записали ее в безнадежные старые девы. В «безнадежные», потому что в отличие от «коллег по несчастью», ко-

торых на предприятие было немало, Лариса не стремилась «заполучить хоть какого-то мужика, пока не поздно».

А природа начинала брать свое. И если раньше Лариса всю свою нерастраченную энергию вкладывала в работу и утешала себя мечтами о будущей квартире, то после исполнения мечты девушка почувствовала себя обманутой.

– И что дальше? – не уставала спрашивать она себя теперь.

Жизнь не менялась уже на протяжении десяти лет. Нудная работа, одиночество, однообразный досуг...

Начались нервные срывы, женские болезни и затяжные депрессии. Только сильная «вакцина отвращения» к алкоголю, привитая отцом, не позволила Ларисе банально спиться. У нее даже мысли не возникало попробовать залить свои проблемы водкой, хотя женское пьянство на заводе редко-стью не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.